

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.61 + 316.62

И. А. Савченко

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР МАРГИНАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Анализируются подходы к интерпретации понятия культурной идентичности. На основе данных эмпирического исследования определяются состояния культурной идентичности молодежи полиэтничного социума: русских студентов, студентов ближнего и дальнего зарубежья. Раскрывается сложный и неоднозначный характер феномена маргинальности. Устанавливаются маргинальные тенденции, преобладающие в этнически разнородной молодежной среде.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социокультурные отношения; культурная идентичность; этническая общность; культурная маргинальность; показатели маргинальности; инокультурная среда; деконструкция.

К у л ь т у р н а я и д е н т и ч н о с т ь — важнейший и достаточно подробно изученный ценностный фактор социокультурного развития [см.: Мид, с. 101—149; Бенедикт, с. 279—283; Барт, с. 23—24]. Вместе с тем, воздействуя на процессы социокультурной интеграции и дезинтеграции, культурная идентичность выполняет также функцию индикатора внутреннего состояния общества как социокультурной системы. Для современных сообществ, которые в большинстве своем являются полиэтничными, магистральной является м а р г и н а л ь - н а я т е н д е н ц и я, которая фиксируются путем выявления состояний культурных идентичностей.

В отечественной науке примордиалистский подход к исследованию культурной идентичности [см.: Гумилев, с. 51—53; Бромлей, с. 55—63] в девяностые годы прошлого века уступил место инструменталистскому подходу [см.: Ядов; Данилова; Козырев, Козырева; Левада], в котором идентичность приобретает черты социально-политической переменной общественной жизни.

В наступившем (XXI) веке исследования по проблеме культурной идентичности приобретают практически ориентированный характер. Так, современные исследователи [см.: Шуклинова; Чебоненко; Мазуренко; Русанова], например, определяют пути культурно-идентичностного развития российского студенчества. Исследователи выделяют различные уровни состояний национально-культурной идентичности студенческой молодежи, уделяя особое внимание региональной идентичности и роли образования в ее формировании.

Другие авторы рассматривают понятие культурной идентичности в более широком масштабе. Так, А. Ф. Поломошнов рассматривает понятие культурной идентичности в контексте евразийства и места России мире [см.: Поломошнов]. Н. А. Хвыля-Олинтер изучает проблемы сохранения российской идентичности в эпоху глобализации [см.: Хвыля-Олинтер].

Указанные работы последних лет, несмотря на их общую научно-теоретическую значимость, не отражают процессов полиэтнизации общества. Понятие культурной идентичности приобретает абстрактный смысл, поскольку из него исключается народная, этническая составляющая. К примеру, понятия «русской» и «российской» идентичности не дифференцируются, а феноменологические аспекты функционирования идентичности в поликультурном социуме не выявляются.

Определенное исключение составляет работа Ю. А. Шубина, в которой в качестве потенциала культурной идентичности рассматривается культурная самобытность, изучается фольклор как феномен народной культуры и ресурс этнокультурной идентичности, определяются социально-педагогические условия реализации идентификационного потенциала народной культуры [см.: Шубин]. Но и этот автор не акцентирует внимания на развитии идентичности в массовой полиэтничной среде, не производит сравнительного анализа развития идентичностей разных этнокультурных групп.

Лишь небольшое количество отечественных работ по проблемам культурной идентичности имеют ярко выраженный социокультурный и феноменологический характер. Внимание многих исследователей привлекает культурная идентичность потомков смешанных браков [см.: Носенко; Крылова, Прожогина]. Исследуется также и культурно-идентичностная динамика внутри диаспор. Так, Н. П. Космарская выявляет, каким образом внутрдиаспорное социальное, политическое и идеологическое расслоение формирует идентичностную неоднородность в среде представителей этнообщины [см.: Космарская]. В. Попков путем сравнительного изучения ряда диаспор (еврейской, греческой, китайской и др.) стремится выяснить, как внутренние особенности диаспоры влияют на устойчивость и развитие культурной идентичности ее членов [см.: Попков]. Перечисленные работы направлены на раскрытие природы культурной идентичности и определение социальных проблем и противоречий, обусловленных культурно-идентичностной динамикой.

Одно из наиболее противоречивых социокультурных явлений, связанных с культурной идентичностью, — культурная маргинальность. Наряду с моноидентичностью с родной культурой, бикультурной идентичностью и

моноидентичностью с новой культурой, культурная маргинальность является одним из четырех состояний, которые может принимать культурная идентичность личности.

Категория маргинальности была введена Р. Э. Парком. Согласно Парку, в ситуации маргинальности оказываются так называемые «культурные гибриды», балансирующие между доминирующей в обществе культурной группой, полностью никогда их не принимающей, и группой, из которой они выделены [цит. по: Усманова, с. 670].

В контексте идей деконструкции, разработанных Ж. Деррида и восходящих к понятию деструкции М. Хайдеггера (отрицание традиции истолкования с целью выявления сокрытий смысла) [см. об этом: Алексеева, Тузова, с. 292—293], понятие маргинальности характеризуется как сложное и неоднозначное, которое нельзя классифицировать просто как позитивное либо негативное. Характерная для маргинала установка на неправомерность разграничения высокого и низкого, значимого и незначимого, обоснованного и эпифеноменального стала доминировать в постмодернистском искусстве и жизненном пространстве. Вслед за Р. Бартом, отождествлявшим маргинальность со стремлением к новому на пути отрицания культурных стереотипов и запретов, унифицирующих власть всеобщности, и М. Фуко, для которого маргинальность означала свободу [см.: Гафанова, с. 162], и многие авторы, в том числе отечественные, стали говорить о неоднозначном статусе маргинальности: «Маргинал — тот, кто отстал, и тот, кто опередил. Он может быть атавизмом отжившей уже культуры, ее ценностей, мышления и языка. И может быть человеком будущего, чьи творения, не понятые и не принятые современниками, войдут в основание грядущей культуры. Но маргинал и тот, кто “заблудился”, кто производит “продукты”, — действия, произведения, ценности, не имеющие ни прошлого, ни будущего» [Малышев, с. 63].

В данном рассуждении маргинальность рассматривается во временном аспекте, и можно спорить о правомерности такого толкования, но вряд ли вызовет сомнение утверждение, что маргинал — это «заблудившийся» в культуре.

И еще одно, более определенное мнение. По замечанию А. А. Оганова, отчасти такое (негативное) толкование термина объясняется буквальным переводом с латинского (*marginalis* — расположенный на границе, у края). Отсюда «ложное понимание социокультурной неполноценности соответствующего слоя людей как своего рода «бомжей от культуры». Но маргинал — это вовсе необязательно деклассированный и культурно дезориентированный человек. Зачастую он просто не принадлежит конкретной культуре и сообществу. «Нередко он находится на пересечении разных культур и создает высокие творения вне сколько-нибудь определенных национальных координат» [Оганов, с. 64].

Такое стремление интеллектуалов «защитить» маргинала вполне объяснимо, поскольку маргинальные тенденции в развитии российской гуманитарной науки в последние десятилетия выражены наиболее явно. Маргинальность в этом случае интерпретируют как протест против насильственной ассимиляции или насильственного отторжения этногруппы доминирующей, титульной этнокультурой [см.: Лебедева, с. 32].

Армянский этнопсихолог Альберт Налчаджян достаточно мрачно описывает психологию маргинала [см.: Налчаджян, с. 195–196]. В повседневной жизни маргинал демонстрирует один из двух поведенческих паттернов: в первом случае он отрицает свою маргинальность, во втором — гордится ею. По мнению Налчаджяна, в обоих случаях индивида тяготит комплекс недостаточности. Однако во втором случае этот комплекс продуцирует еще два: комплекс превосходства над другими людьми (немаргиналами, ортодоксальными традиционалистами) и комплекс дискредитации культурной группы, которой он изначально принадлежал.

Индикатором маргинальных тенденций в обществе является такое состояние культурной идентичности, при котором она выражена чрезвычайно слабо либо не выражена вовсе. Поэтому, чтобы зафиксировать маргинальные настроения в социуме, следует изучать состояния культурной идентичности его членов. Для того, чтобы узнать, в каком направлении происходят колебания идентичности молодежи мультиэтничного социума и насколько ярко в данных колебаниях представлены маргинальные маркеры, мы провели эмпирическое исследование в трех студенческих выборках:

1. Студенты из стран дальнего зарубежья (247 человек), обучающиеся в вузах Нижнего Новгорода — Нижегородском государственном техническом университете им. Р. Е. Алексеева (58 чел.), Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (98 чел.), Нижегородской государственной медицинской академии (47 чел.), Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете (44 чел.). Опрашивались африканцы (43 %), индусы (16 %) и китайцы (41 %). Гражданство респондентов: 16 % — Индия, 41 % — Китай, 14 % — Камерун, 16 % — Танзания, 13 % — Намибия.

2. Студенты из стран ближнего зарубежья (253 человека): белорусы (19 %), абхазы (3 %), литовцы (3 %), эстонцы (5 %); украинцы (17 %), грузины (10 %), армяне (17 %), азербайджанцы (10 %), таджики (3 %), туркмены (3 %), молдаване (8 %). Студенты обучаются в Нижегородском государственном техническом университете им. Р. Е. Алексеева (74 чел.), Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (68 чел.), Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете (51 чел.), Нижегородской государственной медицинской академии (13 чел.), Волжской государственной академии водного транспорта (21 чел.), Нижегородском лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова (16 чел.), Нижегородском коммерческом институте (6 чел.), Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки (4 чел.). Опрошенные являются гражданами России (47 %), Украины (23 %), Беларуси, Азербайджана и Грузии (по 10 %).

3. Русские студенты (215 человек), обучающиеся в Нижегородском государственном техническом университете им. Р. Е. Алексеева. Большинство русских студентов являются гражданами России (92 %), остальные — граждане Украины, Беларуси, Казахстана и Молдовы.

Как видим, среди русских студентов есть граждане других государств, которых мы, тем не менее, включили в одну опросную группу с русскими — гражданами.

данами России. Процедура опроса позволила выяснить, что эти 8 % опрошенных русских студентов, не являющихся российскими гражданами, достаточно давно живут в России, закончили здесь школу, считают русскую культуру и русский язык родными. Русские, чьи семьи в определенный момент приехали их стран ближнего зарубежья, — носители русской культуры, которых нельзя рассматривать обособленно от нее. Эти соображения позволили нам рассматривать русских — граждан России и русских — граждан стран СНГ в качестве единой опросной аудитории.

Итак, наш первый вопрос был направлен на выявление состояний, принимаемых культурной идентичностью в этнически разнородном сообществе (табл. 1).

Таблица 1

Распределение студентов по типам культурной идентичности *

№ п/п	Тип идентичности	Маркер данного типа идентичности	Доля от общего кол-ва, %			Отношение к своему типу идентичности	Из них, %		
			Ру	БЗ	Ино		Ру	БЗ	Ино
1	Моноидентичность с родной культурой	<i>По крови я; это моя национальность. Это не изменить, это навсегда</i>	95	40	94	Это ощущение считаю нормальным Такое чувство меня тяготит	92	87	94
2	Бикультурная идентичность	<i>Я четко ощущаю в себе сразу две национальности, две культуры</i>	—	37	—	Это ощущение считаю нормальным Такое чувство меня тяготит	—	77	—
3	Моноидентичность с новой культурой	<i>По крови я не....., но, поскольку живу среди русских, уже считаю себя русским</i>	—	10	—	Это ощущение считаю нормальным Такое чувство меня тяготит	—	87	—
4	Культурная маргинальность, отсутствие культурной идентичности	<i>Я себя ни к какой национальности не отношу. Я просто человек</i>	5	13	6	Это ощущение считаю нормальным Такое чувство меня тяготит	5	57	6

* Сокращения: Ру — русские студенты; БЗ — студенты ближнего зарубежья; Ино — иностранные студенты.

Когда мы задавали студентам прямые вопросы, результаты опроса позволили составить лишь очень приблизительную картину состояния культурных идентичностей в исследуемых группах. Так, примерно равное количество студентов из ближнего зарубежья согласилось со следующими утверждениями: *По крови я ..., это моя национальность, это не изменить, это навсегда* (маркер моноидентичности с родной культурой, 40 %); *я четко ощущаю в себе сразу две национальности, две культуры* (маркер бикультурной идентичности, 37 %). Лишь малое количество (13 %) признали себя этнокультурными маргиналами (*Я себя ни к какой национальности не отношу, я просто человек*).

На моноидентичность с новой культурой указали только 10 % (*по крови я не русский, но, поскольку живу среди русских, уже считаю себя русским*) (моноидентичность с новой культурой). Таким образом, большинство студентов буквально «цепляются» за свое генетическое прошлое и отказываются признать себя полными адептами новой для них культурной традиции.

Среди русских ситуация схожа с описанной: абсолютное большинство (95 % русских граждан и 94 % — иностранцев) согласилось со следующим утверждением: *по крови я..., это моя национальность, это не изменить, это навсегда* (маркер моноидентичности с родной культурой). Практически отсутствуют ответы *я четко ощущаю в себе сразу две национальности, две культуры* (маркер бикультурной идентичности) и *по крови я не русский, но, поскольку живу среди русских, уже считаю себя русским* (моноидентичность с новой культурой). В е диничных случаях встречаем четкое указание на этнокультурную маргинальность (*Я себя ни к какой национальности не отношу, я просто человек*). Создается впечатление, что тенденции к маргинальности очень слабы.

Состояние культурной идентичности и степень представленности маргинальных настроений помогает выявить в общем-то традиционный вопрос «Что для Вас означает быть представителем своей национальности в России» (можно было давать до трех ответов) (рис. 1).

По данному вопросу из числа мигрантов из ближнего зарубежья 73 % дали ответ *Быть представителем своей страны в России*, а 63 % указали: *осваивать новую культуру*. Были и такие ответы, как *Исповедовать свою религию* (17 %) и *Быть чужим в чужой стране* (8 %) (маркер маргинальности), т. е. в данном случае мигранты из бывших союзных республик проявили желание паритетно соединить освоение новой культуры и сохранение связи с родиной (ответ *Быть представителем своей страны в России*). Такой ответ показал уже отмечавшуюся высокую адаптивную способность данной группы мигрантов и желание каким-то образом сохранить свое этнокультурное «эго». Между тем малая доля ответов (*Говорить на родном языке, 23 %; жить родной культурой, 27 %*) говорят в пользу маргинализации.

Гораздо более привязанными к родной культуре оказались иностранные студенты: 57 % дали ответ: *Говорить на родном языке*, столько же: *Жить родной культурой*. Но и русские продемонстрировали определенную культурную устойчивость: аналогичные ответы дали соответственно 40 % и 37 %.

В целом, по данному вопросу снова выявлена тенденция к моноидентичности с родной культурой у русских и иностранцев и склонность к бикультура-

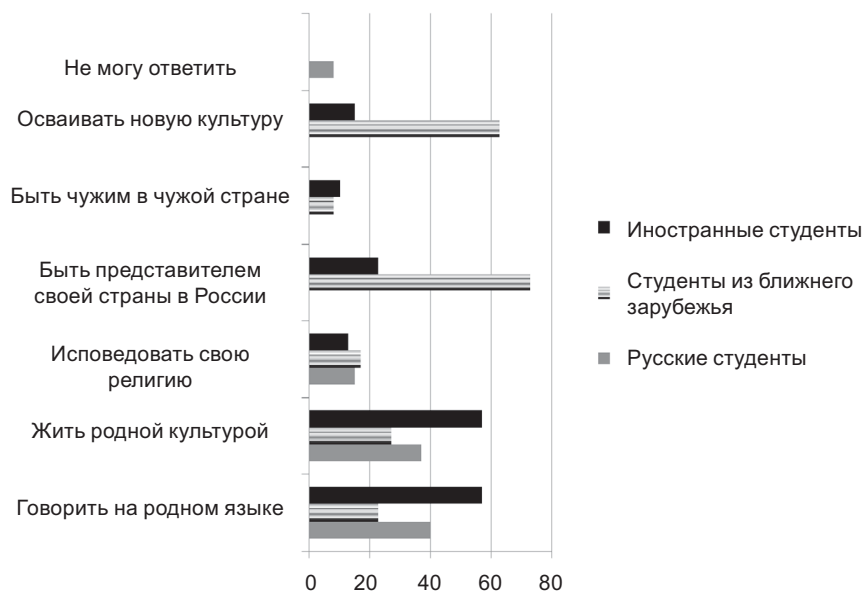

Рис. 1. Диаграмма отношения студентов к своей культурной принадлежности

лизму у мигрантов из ближнего зарубежья. Интеграционная активность русских и иностранцев снижена: никто из русских не считает нужным осваивать новые культуры, к ним присоединяются 15 % иностранцев. Однако такие данные вполне предсказуемы и даже естественны. Русские студенты как представители принимающего сообщества не видят необходимости в освоении элементов других культур, очевидно, полагая, что русскую культуру должны в России осваивать иммигранты. Иностранные же студенты, в отличие, скажем, от студентов из ближнего зарубежья, в большинстве своем не осознают себя частью принимающего сообщества и поэтому не видят смысла в освоении его культуры.

Вполне понятно отсутствие среди русских студентов ответов *Быть чужим в чужой стране* и *Быть представителем своей страны в России*. Вместе с тем обращает на себя внимание, что только среди русских есть респонденты, которые не смогли ответить на вопрос: *Что значит для Вас быть представителем своей национальности в России?* (10 %). Наиболее простое и, возможно, близкое к действительности объяснение такой позиции сводится к тому, что для 10 % «быть представителем своей национальности в России» не значит ничего. Такая ситуация может быть истолкована «культурной апатией» и маргинальными настроениями определенной части русского студенчества в России. Но возможно и другое толкование. Так, следует принимать во внимание, что культурная идентичность и этнокультурное самосознание обостряются в условиях духовно-ценностной и языковой конкуренции, которую мы наблюдали, например, у русских и татарских студентов, живущих и обучающихся в Татарстане [см.: Савченко, с. 293–295]. У русских, проживающих в таких

социокультурных условиях, где они ощущают себя коренным и титульным этносом и, возможно, не вполне осознают увеличение культурной разнородности общества, культурно-идентичностные установки могут быть не акцентуированы, не осмыслены лишь в силу того, что воспринимаются как нечто естественное и укорененное на уровне супер«эго».

Совершенно очевидно, что для уточнения состояний культурной идентичности как русских, так и приезжих студентов необходимы более убедительные объяснения. Ведь остается неясным, насколько точной можно считать информацию, которую дают ответы на прямые вопросы, в частности информацию о кризисе идентичности и маргинализации.

С целью уточнения маргинальных тенденций в среде нами введено понятие дополнительных маркеров культурной маргинальности (рис. 2). Общее для этих маркеров то, что респондент пытается так или иначе обесценить понятие национальной культуры — родной или принимающей.

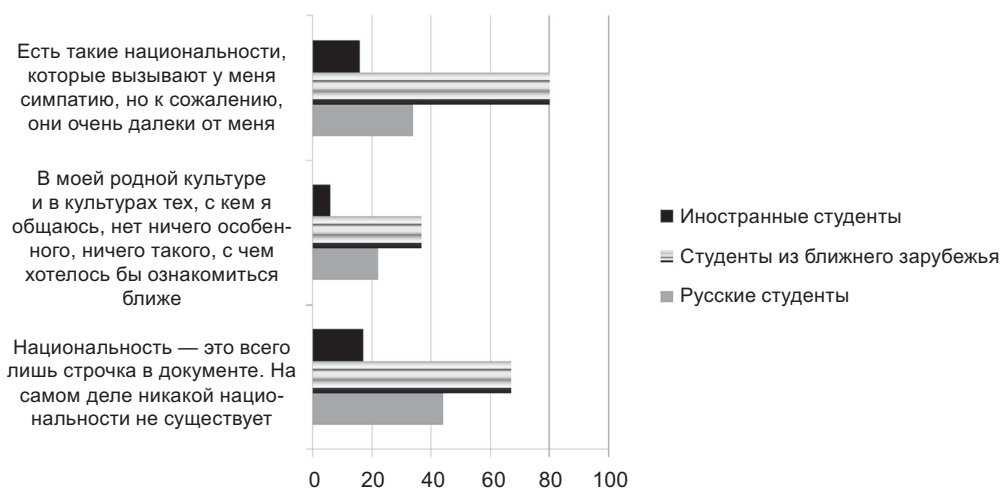

Рис. 2. Дополнительные маркеры культурной маргинальности

Ярче всего дополнительные маркеры маргинальности представлены у мигрантов из бывших республик СССР, наиболее слабо — у студентов-иностранцев. Национальность считают фикцией (первое утверждение) 67 % мигрантов из стран ближнего зарубежья, 44 % русских и 17 % иностранцев. Между тем согласие с утверждением «Национальность — это всего лишь строчка в документе. На самом деле никакой национальности не существует» говорит вовсе не о стремлении к этническому равенству, как может показаться, в том числе и самому респонденту, а о небрежении как родной, так и другими культурами.

На то же явление указывает и согласие со вторым утверждением («В моей родной культуре и в культурах тех, с кем я общаюсь, нет ничего особенного, ничего такого, с чем хотелось бы ознакомиться ближе»): 22 % русских, 37 % мигрантов из ближнего зарубежья и только 7 % иностранцев.

Наконец, третий маркер этнокультурной маргинальности («Есть такие национальности, которые вызывают у меня симпатию, но, к сожалению, они очень далеки от меня») указывает на нежелание интегрироваться, усваивать элементы культур, с представителями которых индивид постоянно соприкасается. Таким образом, 80 % мигрантов из СНГ (этот показатель оказался для нас неожиданным) и 16 % иностранцев, возможно, сами того не подозревая, указали на отсутствие стремления принимать культуру русских, 34 % которых, в свою очередь, выразили неприятие культур мигрантов.

Ответы на прямые вопросы, направленные на определение культурной идентичности, не всегда дают точное представление об изучаемом феномене. Полученные эмпирические данные могут быть неточными и неполными, поскольку респондентам сложно оценить свою культурно-идентификационную позицию. Поэтому для уточнения маргинальных тенденций требуются более тщательные изыскания. Так, оптимистичные высказывания, согласующиеся друг с другом ответы говорят либо о стремлении усваивать новую культуру, либо сохранять свою. Оптимизм характерен также для бикультуралистов, обнаруживающих высокую адаптивную способность, уважение к разным культурам, а значит, наибольший интеллектуальный и личностный потенциал.

Противоречивость ответов, нелогичность, обнаруживаемая при их сопоставлении, неизменно свидетельствуют о тенденции к культурному маргинализму. Это ответы депрессивной окраски, выдающие пессимизм, разочарование, неверие в свои силы, низкую адаптивную способность.

Таким образом, мы попытались выявить состояния культурной идентичности респондентов на основе ряда косвенных показателей. Такими показателями явились удовлетворенность студентов осуществлением смысла жизни и измерение их потенциальной ориентации на отъезд.

В данном случае использовался краткий и упрощенный вариант методики Дж. Крамбо для измерения удовлетворенности осуществлением смысла жизни, адаптированной В. Ядовым и К. Музырбаевым [см.: Музырбаев] и нашедший практическое применение в работе Н. М. Лебедевой [см.: Лебедева]. Вслед за Лебедевой мы предположили, что процесс дезадаптации или адаптации этнической группы по типу психологической защиты в условиях инокультурного окружения будет сопровождаться снижением общей удовлетворенности осуществлением смысла жизни, т. е. распад группы как субъекта межгруппового взаимодействия и взаимовосприятия, снижение позитивной групповой самоидентификации «ударят» по смыслообразующим сторонам личного бытия человека.

Методика измерений ориентаций на отъезд разработана Н. М. Лебедевой, вопросы построены по типу предыдущей методики. Предполагалось, что при дезадаптации общности в инокультурной среде (или выраженной адаптации по типу этнокультурной изоляции) должна повыситься ориентация (или психологическая установка) на отъезд у членов группы с нарушенной позитивной идентификацией, что может служить показателем внутренней дезинтеграции группы, снижением внутригрупповой суггестии, разрушением группы как самостоятельного субъекта межгруппового взаимодействия либо просто показателем отсутствия у группы такого качества самостоятельного субъекта (табл. 2).

Таблица 2

Косвенные признаки состояний культурной идентичности

№ п/п	Начальная часть утверждения	Вариант продолжения утверждения	Распределение ответов, %		
			Ру*	БЗ*	Ино*
Удовлетворенность осуществлением смысла жизни					
1	Моя жизнь...	<i>...в моих руках, и я сам управляю ею</i>	19	92	52
		<i>...не в моих руках и управляется внешними событиями</i>	81	8	18
2	Моя жизнь...	<i>...пуста и неинтересна</i>	66	96	43
		<i>...наполнена интересными делами</i>	34	4	57
3	Каждый день обычно кажется ...	<i>...новым и непохожим на другие</i>	40	80	21
		<i>...совершенно похожим на все другие</i>	60	20	79
4	В жизни я...	<i>...еще не нашел своего призвания и ясных целей</i>	56	77	57
		<i>нашел свое призвание и ясные цели</i>	44	23	47
Измерение ориентации на отъезд					
5	Молодым лучше...	<i>...продолжать жизнь на земле своих отцов и дедов</i>	74	47	64
		<i>строить жизнь на новом месте</i>	26	53	36
6	При наличии возможности...	<i>...уехал бы учиться в другую страну</i>	8	30	36
		<i>я бы все равно отсюда никуда не уехал</i>	68	62	44
		<i>уехал бы учиться в другой регион России</i>	25	4	2
7	Моя Родина — место, куда я обычно...	<i>...поскорей хочу вернуться</i>	75	49	49
		<i>не спешу возвращаться</i>	25	51	51
8	В России мне...	<i>...хорошо</i>	80	92	62
		<i>...плохо</i>	20	8	38
9	В Нижнем Новгороде мне...	<i>...нравится</i>	62	88	68
		<i>...не нравится</i>	38	12	32
	Своими жилищными условиями...	<i>...доволен</i>	26	73	77
		<i>...не доволен</i>	74	27	23

* Расшифровку сокращений см. в примеч. к табл. 1.

Обнаружилось, что 92 % студентов из ближнего зарубежья считают, что *жизнь в их руках, и они сами управляют ею*. Но при этом *пустой и неинтересной* свою жизнь считают 96 %, а *наполненной интересными делами* — только 4 %. Между тем *каждый новый день обычно кажется новым и непохожим на другие* у 80 % студентов-мигрантов, и лишь 20 % воспринимают новый день как совершенно похожий на все другие. Налицо крайняя противоречивость ответов. Несогласованность и противоречивость высказываний и ответов сви-

детельствует о маргинальных тенденциях: индивид уверен в общем несовершенстве жизни и своем бессилии перед ним.

Не сожалеют о том, что учатся в России, 62 %, а 30 %, если бы на то была возможность, *непременно бы уехали в другую страну*, 4 % предпочли бы перебраться учиться в другой российский регион.

Свою Родину считают местом, *куда хочется поскорей вернуться*, 50 %. Другая половина опрошенных не спешит возвращаться на Родину. В целом, в России чувствуют себя «хорошо» 92 %, «плохо» — 8 %. Своими жилищными условиями довольны 73 %, остальные — не довольны. И при этом 88 % утверждают, что им нравится в Нижнем Новгороде.

Итак, в данном блоке вопросов ответы рассогласованы. Поэтому приходится говорить о сложном, кризисном состоянии идентичности мигрантов. Отдельные маргинальные тенденции сопровождаются всплесками альтруизма и оптимизма: все это говорит о сложном культурно-идентичностном поиске, происходящем в их среде.

В среде иностранных студентов в оппозиции *моя жизнь в моих руках, и я сам управляю ею — моя жизнь не в моих руках и управляется внешними событиями* индусы затруднились в выборе. В беседах они пояснили, что «очень сложно объяснить, кто именно управляет нашей жизнью». Такое мнение скорее всего обусловлено восточно-индуистским восприятием существования: понятиями кармы, предопределенности и т. д. У китайцев и африканцев подобные установки не обнаружены: соответственно 82 % и 65 % из них в своем большинстве уверены, что их жизнь в их руках.

Но при этом *пустой и неинтересной* свою жизнь считает половина китайцев, а другая половина — *наполненной интересными делами*. Очень похожая картина — у африканцев. И лишь индусы настроены позитивно и считают свою жизнь насыщенной и интересной (76 %).

Вместе с тем не сожалеют о том, что учатся в России, 82 % китайцев и 79 % индусов. А африканцы (69 %), если бы на то была возможность, «непременно бы уехали в другую страну». Однако в другой регион России для продолжения учебы иностранные студенты не спешат (в среднем лишь 11 % в трех группах).

Свою Родину считают местом, *куда хочется поскорей вернуться*, 67 % африканцев и 55 % индусов. Китайцы (86 %) не спешат возвращаться на Родину. Вместе с тем студенты всех трех групп (78 %) своими жилищными условиями довольны, и 67 % утверждают, что им нравится в Нижнем Новгороде.

Итак, в данном блоке вопросов ответы достаточно противоречивы. И если африканцы и индусы преимущественно все же сохраняют основные признаки моноидентичности с родной культурой, то у китайцев налицо тенденция к маргинальности, порождающей депрессивный тип, равнодушный как к родной, так и к новой культуре.

Наконец, выбирая в оппозиции: *продолжать жизнь на земле своих отцов и дедов — строить жизнь на новом месте* африканцы (75 %) выбирают первый вариант, а китайцы (73 %) и индусы (69 %) выбирают второй вариант, что свидетельствует о частичном отказе от моноидентичности.

У русских невыраженность ориентации на отъезд и выраженная любовь к Родине, причем как к «большой», так и к «малой», вроде бы свидетельствуют не в пользу маргинальности. Вместе с тем явная неудовлетворенность осуществлением смысла жизни говорит об обратном. Так, 81% русских полагают, что собственная жизнь *не в их руках и управляется внешними событиями*, 66 % считают свою жизнь *пустой и неинтересной*. Каждый новый день представляется 60 % *совершенно похожим на все другие*. Последние данные свидетельствуют, что в среде русских маргинальные тенденции прогрессируют даже более активно, нежели у мигрантов. Напомним, что, к примеру, только 8 % выходцев из СНГ считают свою жизнь управляемой внешними событиями, и только 20 % считают свою жизнь депрессивной безнадежной рутинной (*каждый день обычно кажется совершенно похожим на все другие*).

Маргинальную тенденцию частично подтверждает ответ на вопрос «Что Вас больше эмоционально задевает?», раскрывающий отношение студентов к оскорблениям по этническим мотивам (рис. 3).

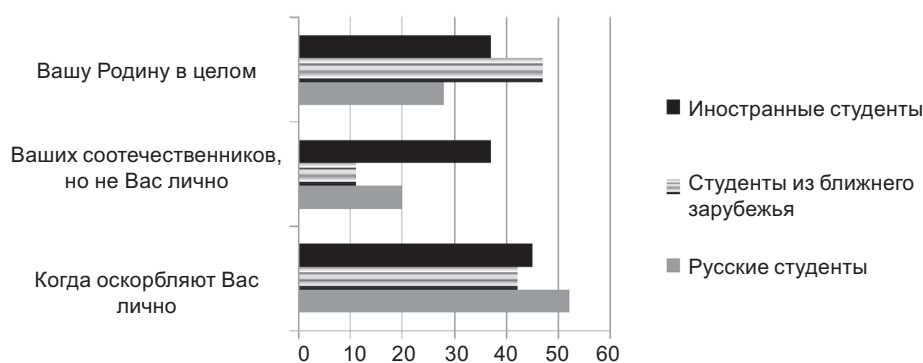

Рис. 3. Отношение студентов к оскорблениям на национальной почве

Русские студенты оказались наиболее маргинально настроенной группой. Большинство из них (52 %) отдали предпочтение индивидуализму в ущерб культурной близости, ответив, что больше всего их эмоционально задевают личные оскорбления, а не оскорбления Родины (маркер культурно-политической близости) или их соотечественников (маркер духовной близости).

В двух других выборках маргинально настроенных индивидуалистов тоже немало: 42 % выходцев из бывших республик Советского Союза и 45 % иностранцев. У иностранных студентов в равной степени (по 37 %) представлены маркеры культурно-политической и духовной близости. У студентов из ближнего зарубежья маркер духовного притяжения представлен слабо (11 %), но активен маркер близости культурно-политического плана (47 %).

Таким образом, можно сказать, что маргинальные настроения присутствуют во всех трех группах опрошенных, но вопреки распространенному мнению эти настроения в ряде случаев становятся более заметны среди носителей при-

нимающей культуры, нежели среди мигрантов. А это значит, что принимающее общество зачастую само не может предложить этническим меньшинствам культурно-идентичностных ориентиров, поскольку само переживает внутренний духовный кризис. Неспособность признать собственное духовно-идентичностное состояние побуждает принимающее общество, особенно его элиту, приписывать меньшинствам разные формы нецивилизованности и неспособность к интеграции, что наблюдается сегодня в Западной Европе [см.: Черненко; Джордано].

Налицо ситуация, в которой маргинальные тенденции в среде мигрантов сопровождаются аналогичными тенденциями, а также растерянностью и дезориентированностью русского населения, оказавшегося не готовым к возрастанию культурной разнородности общества.

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о тенденциях активной маргинализации общества, причем как в среде его исконно адаптированных членов (в нашем случае они были представлены русскими студентами), так и в среде среднеадаптированных (мигранты из ближнего зарубежья) и малоадаптированных (иностранные студенты).

Достаточно сложно говорить о том, как следует оценивать выявленные тенденции. В любом случае маргинальность — как одна из категорий постмодернизма — не приемлет максималистских оценок. Например, А. Налчаджян указывает на одаренность и пассионарную роль многих маргиналов, но он же уверен в том, что за маргинальность приходится дорого расплачиваться. Так, исследователь приводит в пример раннюю смерть актера и спортсмена Брюса Ли, который, «будучи маргиналом», переживал огромную физическую нагрузку» [см.: Налчаджян, с. 196].

Между тем, принимая во внимание разнообразие мнений в вопросе о маргинальности, ее можно классифицировать как отсутствие устойчивой культурной идентичности, порождающее личностный конфликт и, как следствие, контрастное сочетание внешней приспособленности с тотальной дезадаптированностью, характерной для полиэтничной массовой городской среды.

Алексеева Е., Тузова Т. Деконструкция // История философии : энциклопедия. Минск, 2002. С. 292–293.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 23–24.

Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. Т. 1. М., 1997. С. 271–285.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. 366 с.

Гафанова Ю. В. Маргинальный опыт Мишеля Фуко // Studia culturae. Вып. 3 : Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философ. фак. Санкт-Петербург. гос. ун-та. СПб., 2002. С. 161–165.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 2005. 552 с.

Данилова Е. Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социол. журн., 1995. № 6. С. 56–65.

Джордано Р. Письмо в защиту Германии [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2010. 13 окт. URL: <http://lenta.ru/columns/2010/10/13/brief/>.

- Козырев Ю. Н., Козырева П. М.* Дискурсивность социальных идентичностей // Социол. журн. 1995. № 2. С. 23–30.
- Крылова Н. Л., Прожогина С. В.* Метисы: кто они? : Пробл. социализации и самоидентификации. М., 2004. 216 с.
- Лебедева Н. М.* Социальная психология аккультурации этнических групп : дис. ... докт. психол. наук. М., 1997. 310 с.
- Левада Ю.* Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. — М., 1993. 112 с.
- Мазуренко И. В.* Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 22 с.
- Мальшев И. В.* Тот, кто «не в ногу» // Маргинал. искусство. М., 1999. С. 62–63.
- Мид М.* Взросление на Самоа // Культура и мир детства. М., 1988. С. 88–171.
- Музырбаев К.* Удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, переживание смысла собственного бытия // Рабочий класс на рубеже 80-х годов. М., 1981. С. 76–81.
- Налчаджян А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван, 2000. 407 с.
- Носенко Е. Э.* Факторы формирования еврейской идентичности у потомков смешанных браков // Диаспоры. 2000. № 3. С. 87–114.
- Оганов А. А.* Феномен маргинальности в культуре // Маргинал. искусство. М., 1999. С. 64–65.
- Поломошинов А. Ф.* Культурная идентичность России: Н. Данилевский против В. Соловьева : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2007. 42 с.
- Попков, В.* «Классические диаспоры» к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–22.
- Русанова А. Г.* Особенности культурной идентичности студентов в областном центре России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 22 с.
- Савченко И. А.* Лингвоидентичность и социокультурные условия развития этнообщностей // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 2010. № 2. С. 281–296.
- Усманова А. Р.* Маргинальность // Новейш. филос. слов. Минск, 2003 С. 670–671.
- Хвыля-Олинттер Н. А.* Национально-культурная идентичность современной российской молодежи в условиях глобализации: методология социологического анализа : автореф. дис.... канд. социол. наук. М., 2010. 24 с.
- Чебоенко О. В.* Культурно–символический потенциал региона как фактор формирования культурной идентичности молодежи : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2007. 21 с.
- Черненко Е.* Чужого не надо. Европа ужесточает политику в отношении иммигрантов // Коммерсантъ. 2010. № 204 (4504). С. 9.
- Шубин Ю. А.* Традиция как ресурс социально-культурной идентичности личности в современном обществе : дис. ... канд. культурологи. СПб., 2009. 177 с.
- Шуклинова М. В.* Национально-культурная идентичность студентов провинциальных вузов : дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 152 с.
- Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3/4. С. 40–60.

Статья поступила в редакцию 20.01.2011 г.